

А СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Йозеф Догнал

Последние годы - время оживленных споров не только в области изучения идеологических, политических или экономических систем и теорий, но, разумеется само собой, и в сфере литературоведческих исследований. Вновь, с новой силой и остротой поднимаются давние по своему происхождению вопросы, связанные с историей литературы в той части мира, которая с 1922-ого года называлась Советский Союз. Я нарочно не пользуюсь термином "советская литература", так как именно он, как и другие ему подобные термины - "эмигрантская литература", "социалистический реализм", "пролетарская литература" и некоторые другие - представляют собой то, чего я хотел бы коснуться в этом размышлении.

Разрешите мне начать с просьбы: давайте попробуем забыть об оценке тех событий, которые представляла собой и которые повлекла за собой революция, начало которой связано с февралем 1917-ого года, а решающим моментом для судьбы которой были август - ноябрь того же года. Тогда нельзя было видеть ее с такого расстояния, которым мы теперь располагаем, так что можно было считать ее историческим фактом, который открывает новую эпоху, новые возможности, новые перспективы, представляет собой конец самодержавного государства, которое в 1917-ом году вряд ли кто готов был защищать. События февраля - ноября 1917-ого года стали, таким образом, историческим событием крупного масштаба, дальнейшее развитие которого могло принести что-то или в позитивном или в негативном плане. Как и всякое другое событие исторической жизни общества, эта революция явилась результатом длительного исторического развития определенной территории, Российской империи, включала в себя огромное количество объективных и субъективных факторов, но в целом уже одним фактом своего свершения свидетельствовала о том, что и таким - а после октября 1917-ого года именно таким - мог быть ход истории. Событие, начавшееся по сути дела в одном городе, стало началом многолетних судеб России, да не только ее. Однако не будем входить в исторические подробности; революция произошла, революционная волна хлынула по всей России - и опять отразилась она не только там - ее мелкомасштабные и крупномасштабные события коснулись всех жителей этой страны без исключения. Это просто исторический факт, который изменить нельзя. Можно быть и противником социологически направленных литературоведческих установок, можно отрицать и психологический подход к ней, но одного нельзя не признать - историческое

событие такого рода, такой силы и такого масштаба просто не могло не отразиться в культурной жизни, не могло миновать и литературу. Революция произошла, империи не стало, вся страна почувствовала это очень сильно, так что оспаривать факт могучего толчка, пришедшего со стороны революции и отразившегося в культурной, а в частности в литературной жизни общества вряд ли кто захочет. Что касается литературы, возникающей после революции, то основной вопрос, по-нашему, надо поставить так: началась эпоха "новой литературы", того, что иногда называют "советская литература", в другой раз именуют "русской советской литературой" или "многонациональной советской литературой", сейчас же после революции?

Конечно - не началась и не могла начаться. Литература, как и всякое другое явление общественной жизни, является сложным целым, целостной системой, которая обладает определенной силой инерции, так что изменение всей системы может проходить только медленно и постепенно, отдельными этапами. В общественной и, в частности, в культурной жизни никогда нельзя начать с абсолютного нуля, никогда нельзя полностью отмежеваться от предшествовавшего. Даже устремления создать именно такое полностью противоположное изначальное образование приводят парадоксально к очень верному подражанию именно той системе, от которой отходят, так как тогда возникает скорее анти-система, в которой тенденция отрицать элементы исходной системы влечет за собой сохранение внутренней структуры исходной системы. Для создания действительно новой системы необходимо разработать ее внутреннюю структуру по-новому так, чтобы она соответствовала новым, не повторяющим старые ошибки критериям.

Если до революции сосуществовало в русской литературе несколько литературных направлений - будь это символизм, акмеизм, ростки экспрессионизма, футуризм, колоссальная традиция реализма, тенденции к натуралистической литературе, к творчеству "искусства для искусства", литература а ля Вербицкая (о чем, между прочим, не очень часто упоминают) или чисто бульварная литература, - их просто нельзя было искоренить, забыть о них, начать сразу писать по-новому, так сказать, "по-революционному" или "по-антиреволюционному". В литературе 20-ых годов это отразилось больше всего - многое, что было свойственно прошлому, дореволюционному, продолжает свое существование в творчестве русских писателей, причем тут трудно различать тех, кто стоял за революцию или против нее. Творчество тех, кто остался в России, тех, кто ушел и вскоре вернулся, и тех, кто ушел и никогда больше не возвращался на родину, отличается больше по оценке революции и последующих за ней свершений, чем по творческому методу, который избран авторами произведений. Да и классификация того, что является преимущественно ценным, базируется очень часто, я сказал бы даже преимущественно, именно на отношении к революции - "белые" и "красные" деятели литературы вырастают из той же русской классики, из того же опыта, полученного во время литературных экспериментов рубежа веков, из той же русской культуры, складывавшейся долгими веками. Вот пример: "Железный поток" Серафимовича - художественное произведение, а "Солнце мертвых" Шмелева,

произведение, близкое по теме и по творческому методу, - клевета. Вот именно - клевета, вражеское отношение к новому строю, фальшивое видение реальности, антиреволюционность (или контрреволюционность), ненависть к рабочему классу и крестьянству - вот приметы, по которым оценивался художественный метод, ценность литературных произведений. Тут - идеологические критерии, факт того, кто стоит "за" или "против", является пробным камнем для разграничения художественных произведений от "нехудожественных".

Революция и потрясения, которые она повлекла за собой в судьбе миллионов, явились резкой гранью, переломным моментом - исчез старый, знакомый, более или менее устоявшийся мир. Крупно- и мелкомасштабные события вдохновили многих авторов; возникает большое количество новых произведений, в которых все это отражается, быстро меняется сцена литературных событий, возникают новые группировки писателей, импровизация на поле политики находит свое отражение и в литературе, основной характеристикой времени становится динамика изменений. Изобилие тем разрабатывается, однако, при помощи приемов, которые только постепенно и частично отходят от того, что созревало в до-революционное время. Свидетельствует об этом творчество и таких представителей русской культуры как Бунин, Маяковский, Булгаков, Горький, Есенин и другие. Новые, быстрые темпы хода жизни, не известные пока происшествия, конфликты и свойства людей, открытые именно революцией, новые надежды, чаяния, цели, но и чувство начала чего-то темного, хаотического, безудержного, что брезгает пока сохраняемыми моральными критериями - все это отражается в послереволюционном творчестве русских писателей.

Литература - как и история - не телеологического характера, вряд ли они имеют заранее заданную цель, по направлению к которой им надо идти. Потеря "старого мира", в котором человек способен был ориентироваться, потребность найти новые ориентиры, по которым можно было бы найти нужные для сохранения или создания бытийного стереотипа ценности, рвет революция тем, что выдвигает идеологическую цель, которая подменяет то, что и в литературе, как и в других сферах общественной жизни, в ее глубинном слое пока отсутствует. Возникает рубеж - с одной его стороны те - кто "за", с другой - те, кто "против". А то хорошее, что возникает, пишется тогда и читается даже и теперь, в 90-ые годы - так это и есть та литература, которая не "за" и не "против", а литература, которая говорит "за" человеку, охраняет этическую и эстетическую установку, не подменяя ее идеологической дидактикой. Таким образом возникает то, что означают словом "советское", и то, что получило ярлык "антисоветского", но подлинно ценное произведение по этим признакам не отличить.

Так было, как нам кажется, в начале 20-ых годов. В это время еще и в той части литературы, возникавшей в России (скажем, у Платонова, Пильняка, Зощенко, Ахматовой и других), можно было сохранить установку на человека, его проблемы, судьбы, чувства, противоречия, на - по словам Бердяева - субъект-объектные отношения человека и мира, так что сами по себе

всплывают в их творчестве и острые критические моменты, сатира, пародия и пр. Тогда, по-нашему, еще не стоило (да и теперь не стоит) говорить о какой-то советской литературе вообще, а надо употреблять то, что в качестве рабочего термина выдвинул когда-то в 30-ые годы Матхесиус - "русская литература советского периода"¹ - причем не надо различать, кто был "за", а кто "против", кто писал "здесь" и кто "там" - только таким способом можно писать подлинную историю русской литературы XX-ого века.

Подобного рода подмена произошла и с другими терминами как напр. "пролетарская литература", "реализм" и, главным образом, "социалистический реализм". И в этом случае идеологическое побеждает художественное. Потеря критерия художественности, которым являлся масштаб человека, человека в окружающем его мире, его внутреннего богатства, свободы, воображения, ориентация на развитие духовного потенциала индивида и общества в целом, замена этого ориентира другим, по сути дела политическим, идеологическим критерием, обезжизняющим отдельного человека и делающим его только маленькой частицей массы, в которой он должен терять самого себя, подчиняться общему, для всех выдвинутому лозунгу, - все это способствует тому, что подобно общественной жизни и литературная жизнь становится служанкой идеологии. В таких условиях и может возникнуть конструкт вроде "социалистического реализма", к которому можно приурочить все, что с точки зрения идеологии приемлемо, хотя о "реализме" художественном, о реализме как творческом методе, никто не спрашивает; наоборот, даже самое "реальное" произведение - скажем, "Архипелаг Гулаг" Солженицына - туда войти не может, с точки зрения идеологии не может.

Все, что было здесь сказано, ясно и понятно, ничего нового я не открыл. Однако, кажется, в последнее время опять идеологическое начинает брать верх. Надо наконец забыть об острых политических и идеологических вопросах, не судить их по современным критериям, забывая о логике исторического и художественного развития, а вернуться к основному критерию - художественности, к масштабу человека, а не идеологии. Иначе опять произойдут искажения. Определенная часть литературоведов способна в настоящем утверждать, что не было "советской литературы", что не было никакого "социалистического реализма" и т. п. Простите, дело не в терминологии, а в фактах. Ведь были не только 20-ые годы, были и 30-ые, и 40-ые. Возникали литературные произведения по заказу, произведения, в которых многое, да и почти все, разработано по литературным штампам, выдвинутым идеологически мотивированной теорией искусственно созданного "соцреализма". Правда, никто не будет, да и не хочет, наверно, утверждать, что эти произведения представляют собой то самое ценное, что тогда писалось. Чаще всего наоборот. Однако учитывая то, что мы понимаем литературное произведение как эстетический, социальный и исторический факт, нельзя и об этих фактах забывать. Для того, чтобы писать историю целостной системы, которой, по нашему убеждению, русская литература является, в рамках которой она всегда развивалась - или регрессировала? - нельзя вновь забывать об истории литературы как органическом

целом, нельзя вычеркивать произведения и писателей, нельзя в азарте определенного "стремления забыть" вычеркивать то, что составляет целостную, единую картину русской литературы.

Надо будет заново наполнить термины содержанием, вновь определить, что под ними можно и надо понимать, чтобы ясно было, о чем идет речь. Надо вернуться к бывшим оценкам, прочитать то, что публикуется с непростительным опозданием на десятилетия, сравнить без предвзятости возникшее "тут" и "там". Только тогда всплывет действительное значение терминов, которые когда-то превозносились, а теперь уничтожаются, только тогда можно будет правильно оценить то, что писалось под их эгидой, только тогда можно будет считать наши знания и наш подход действительно системным, исторически полным и правдивым. Не помогут нам новые, по сути дела опять не литературные, не эстетические термины вроде "возвращенной литературы". Не следует забывать о том, что в то же самое время, когда писались самые "соцреалистические" произведения, возникали одновременно шедевры, которые вошли в золотой фонд русской литературы. Нельзя забывать и о том, что определенный исторический идеологический климат позже опять приводил - и, боюсь, - приводит и сейчас к слишком высокой оценке произведений, литературный уровень которых может уступать другим произведениям даже того же автора (я имею, в частности, ввиду роман "Доктор Живаго" Пастернака, но не только это произведение может служить примером).

Надо будет вновь построить системную историю русской литературы XX-ого века. Хотя трудно будет отказываться от идеологически подкрашенных оценок, мы должны идти именно в этом направлении, чтобы не надо было спустя некоторое время заново переписывать эту историю, чтобы не приходилось в очередной раз менять оценки, признавать ошибки и заблуждения, причиной которых могла бы стать тенденция предпочесть временные критерии другим, более стойким и более объективным. Я не утверждаю, что произведения "социалистического реализма" займут в такой системе почетное место, но без них будет нами нарисованная картина опять только половинчатой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ MATHESIUS, B., FRANĚK, J. F.: Přehled sovětské literatury, č. I. Praha 1971, s. 6.